

денеи wir auch die wichtigeren Morpheme der anderen samojedischen Sprachen kennenlernen. Gleichzeitig kann man die Kasusendungen, die Personalsuffixe im Nominativ und Genitiv, die intransitiven und transitiven Verbalsuffixe auch miteinander vergleichen. Wie im Vorangegangenen ist auch der Abschnitt «Textbeispiele aus sonstigen samojedischen Sprachen und Dialekten» (S. 200—210) sehr zweckmäßig, nützlich und ideenreich. In diesem Teil findet man Texte aus den Waldjurakischen, Jenisseischen, Tawgischen, mittleren und südlichen Sölkupischen und Kamassischen, denen eine wortgemäße ungarische Übersetzung beigelegt ist.

Der Anhang — gleichzeitig auch das Buch — endet mit einem Literaturverzeichnis der samojedischen Sprachen (S. 211—236). Er beinhaltet neben den sprachwissenschaftlichen Quellen auch ein Verzeichnis von geschichtlichen, archäologischen und ethnologischen Schriften. Ferner gibt der Verfasser neben der in ihrer Art unvergleichbar reichen und genauen Bibliographie (S. 211—231) auch ein Verzeichnis der von ihm bekannten, in den samojedischen (jurakischen und sölkupischen) Sprachen erschienenen Publikationen (S. 234—236).

Um die samojedischen Forschungen zu erweitern und zu vertiefen, macht P. Hajdú zwei Vorschläge (S. 16). Der erste Vorschlag lautet: «Vor allem müßte man die Prüfung des Sölkupischen in den Mittelpunkt stellen.» Der zweite lautet: «Nach dem heutigen Stand der Forschungen ist es charakteristisch, daß die sowjetischen Forscher durch die direkte Materialsammlung an Ort und Stelle bestimmte Vorteile genießen. Die Samojedisten anderer Länder kommen an diese Arbeit meistens nicht heran. Es wäre daher wünschenswert, wenn auch aus unserem Lande, so bald wie möglich, junge Forscher eine örtliche Untersuchung irgendeiner samojedischen Sprache durchführen könnten.» Die einzelnen samojedischen Sprachen werden von einer verhältnismäßig so kleinen Zahl von Menschen gesprochen, und die Assimilation findet in einem so großem Maße statt, daß man solche Expeditionen nicht früh genug starten kann.

Da das Werk von P. Hajdú eine seit langem bestehende Lücke in der Samojedistik schließt, wäre es wünschenswert, sein Buch in eine oder mehrere Weltsprachen zu übersetzen.

GABOR ZAICZ (Budapest)

<https://doi.org/10.3176/lu.1969.3.12>

Erdődi József, Erza-mordvin szövegek (magyarázatokkal, nyelvtani vázlattal és szótárral). Eötvös Loránd Tudományegyetem. Bölcsészettudományi Kar. Finnugor jegyzetek XIV, Budapest 1968. 308 стр.

После конспекта Д. Лако (Gu. Lakó, A magyar nyelv finnugor alapjai. Bevezetés. Hangtan. Finnugor jegyzetek XI, Budapest 1964) появилась новая ценная работа в серии изданий филологического факультета Будапештского университета. Автор ее — Йозеф Эрдеди. Он же составил XIII том серии (J. Erdődi, Az uráli népek ismertetése, Budapest 1967), основательно переработав и усовершенствовал работу М. Жири (M. Zsirai, Finnugor rokonságunk, Budapest 1937). Под его редакцией была недавно издана и антология «Az uráli népek történelme és

műveltsége» (Budapest 1966). Й. Эрдеди — специалист финно-угорских языков Поволжья — до сих пор публиковал в первую очередь исследования по марийскому языку. Поэтому его последняя работа вызывает особый интерес.

Первая глава посвящена обозначению звуков речи (стр. 5—7). Кирилловские тексты эрзянского литературного языка фонетически транскрибированы автором. Принципы транскрипции последовательно выдержаны в работе, отступления весьма редки, напр., *talama* 'цеп, молотба' (стр. 12) вместо *talama*. Фонетическое

обозначение автора успешно и безошибочно осуществляет упрощение системы Э. Сетяля (знак *x'* вместо альвеоло-палатальной аффрикаты на стр. 6 надо считать явной опечаткой). Следующая глава знакомит нас с мордовским народом и мордовскими языками, затем автор суммирует результаты исследования мордовских языков.

Книга И. Эрдёди состоит из двух основных частей: текстов (30 уроков) и описательной грамматики.

Первый раздел учебника содержит тексты с грамматическими объяснениями и переводами (стр. 17—195). В материал каждого урока входит обычно четыре пункта: 1) текст, 2) словник, 3) грамматические объяснения к текстам и 4) перевод текста.

1. Первый пункт уроков — удачно подобранные из различных эрзянских учебников и дидактически составленные тексты. Почти каждый из них представляет в первую очередь разговорный язык (работа в деревне и на заводе, сцены из повседневной жизни, погода, жизнь молодежи и т. д.). Некоторые тексты отражают современный литературный и книжный языки (см. стихотворения из 14-го урока, письмо в 20-м тексте). Представленный материал разнообразен: в изрядном количестве мы встречаем пословицы (см., напр., 6-й, 9-й уроки), загадки (7-й, 8-й, 19-й), сказки (13-й, 18-й, 30-й), народные песни (28-й, 30-й) и баллады (30-й). Большинство уроков снабжено различными лексическими и грамматическими упражнениями, а 15-й урок целиком построен на упражнениях. С точки зрения разнообразия содержания, а также формы, пожалуй, наиболее интересен 17-й урок. Отличная идея воплощена в тексте «Budapest di Saransk» (стр. 26).

2. «В словнике ... по возможности мы указываем на этимологию эрзянского слова» (стр. 3). И. Эрдёди в разделах своего учебника, объединенных под названием «Слова», поставил перед собой трудную задачу: он объясняет происхождение двух тысяч слов, наиболее часто употребляемых. Жаль, что он не отмечает источников своих этимологий, и таким образом представленный большой материал — вместе с рядом новых теоретических предположений — оказывает-

ся затруднительным для использования при дальнейших разысканиях. Но не это входило в задачу автора, который предназначил учебник в первую очередь студентам, будущим преподавателям венгерского языка. Этим можно объяснить и повторы дидактического характера, например: слово *šorma* 'письмо' встречается в словниках пять раз (стр. 44, 49, 50, 61, даже 168), а *lango* 'поверхность' — шесть (стр. 37, 48, 54, 61, 97, 107), в конце же книги список слов не дается. Однако, к сожалению, при размещении этимологических объяснений не вполне последовательно соблюдается принцип: дать этимологию при первой встрече со словом, например, соответствия упомянутого *lango* всплывают только при пятой встрече с ним: стр. 97, см. — ошибочно — мар. *šör-lai* 'сметана'; так же: *paloms* 'гореть' (стр. 48, 65) ~ венг. *fagy* 'мерзнуть' (стр. 132), *kajams* 'бросить' (стр. 61, 125) ~ венг. *hajít* то же (стр. 79), *umar, mar* 'яблоко' (стр. 50) ~ фин. *marja* 'ягода' (стр. 117, 147). Общеизвестные финно-угорские соответствия нескольких слов отсутствуют, например: *ked'* (стр. 48, 61), *selme* (стр. 61), *kasoms* 'расти' (стр. 33, 56, 117) ~ венг. ? *haszon* 'польза'; *nej* 'теперь' (стр. 50, 97) ~ фин. *nyt* то же, *kenerems* 'зреть' (стр. 70, 139, 147) ~ фин. ? *kiire* 'спешка, спешный'. Слово *kši* 'хлеб' связано с фин. (диал.) *kýrsä* 'дрожжевой хлеб' (стр. 28), а не с фин. *kypsä, kypsi* 'сорт хлеба' (стр. 61; см. SKES). Эта ошибка, очевидно, является опiskeй, ведь автор хорошо знаком с этимологической литературой. Всего несколько из данных автором соответствий кажется нам необоснованными или ошибочными: *kirakstnems* 'кататься на коньках, скользить' ~ венг. *korcsolyázni* 'кататься на коньках' (стр. 126), *kiska* 'собака' ~ фин. *koira* то же (стр. 91), *ongoms* 'лаять' ~ венг. *ugat* то же (стр. 91), *peřka* 'вокруг' < *peř-* ~ венг. *fer(dü!)* 'кривиться' (стр. 84), *udalov* 'задом' ~ венг. *után* 'после, за', *utó* 'конец чего-л.', *utolsó* 'последний' (стр. 187). И. Эрдёди правильно указывает на звукоподражательное происхождение некоторых слов, например: *zernems* 'гремять, грохотать' < *zeřk, zeřt* 'трах!; звяканье' (стр. 33, 118, 133), *solnems* 'болтать' < *sol-*

(стр. 84, а также 44, 162). Обоснованно и объяснение структуры производных слов. Суммируя сказанное, можно отметить: словники к урокам, несмотря на небольшие ошибки, представляют собой наиболее интересные и полезные составные элементы рецензируемой книги.

3. Грамматические объяснения посвящены актуальным проблемам каждого текста. Чувство меры и точные отсылки к соответствующим страницам описательной грамматики, помещенной во второй части книги (напр., стр. 25), характеризуют прежде всего грамматические комментарии первых уроков. И грамматические вопросы текстов, вероятно, следовало бы объяснить здесь (см. стр. 57—58), а не в словниках. Но во второй половине уроков вместо сжатых объяснений и указаний мы находим подробные, которые повторяются и в описательной грамматике (напр., отыменные суффиксы, образующие имена существительные: стр. 119—121 и 214—217, глаголообразовательные суффиксы: стр. 142—144 и 288—295, или 148—149 и 285—288, определительные конструкции, выраженные числительными: стр. 155—156 и 239—240, наклонения глагола: стр. 98—99, 156—158 и 270—277).

4. Хороши и точны по содержанию венгерские переводы текстов (начиная с 3—4-го уроков, в 15-м переводе не дано). Особенно выделяются отличные переводы стихотворения А. Лукянова «*Kizéñ cökšne*» (Летний вечер) (стр. 83 и 85) и баллады «*Vir čiresę erzań čoraš peñgt kerí*» (На опушке леса эрзянский парень колет дрова) (стр. 181—183 и 193—194).

Вторая часть книги посвящена вопросам грамматики (фонетики и морфологии) (стр. 197—300). Эрзянская грамматика автора основана, по его устному сообщению, на грамматике Д. В. Бубриха, но он проработал и грамматики или грамматические очерки Й. Буденца, Х. Паасонена, М. Е. Евсевьева, М. П. Коляденкова — Д. В. Цыганова, так же как и нормативную грамматику эрзянского языка (см. стр. 208). Только работу М. П. Коляденкова (Грамматика мордовских языков I. Фонетика и морфология, Саранск 1962) Й. Эрдеди не смог достать.

В разделе фонетики (стр. 199—208) рассматривается звуковой состав эрзян-

ского литературного языка, начальные и конечные консонанты. Разбирая вопросы морфологии (стр. 208—300), автор останавливается на следующих частях речи: имя существительное (стр. 208—234), имя прилагательное (стр. 234—238), имя числительное (стр. 238—246), местоимение (стр. 246—258), глагол (стр. 262—295) и послелог (стр. 296—300). Мы не можем подробно анализировать здесь часть морфологии. Все-таки следует отметить, что автор не только подытожил результаты, достигнутые наукой до настоящего времени, но местами высказал и свое мнение. Например, при разборе склонения имен существительных и аккузатив и транслатив он относит «к первичным важным падежам» (стр. 208). Впрочем, Й. Эрдеди отклоняет последнее неудачное название, он пользуется также более правильным термином «реже употребляемые падежи» вместо «второстепенные падежи» (стр. 212).

Ниже остановимся подробнее на некоторых вопросах, затронутых в главе по фонетике. По мнению автора, звуковой состав эрзянского литературного языка состоит из следующих фонем: *i, ě (= e), ĭ, ě, a, u, o* (стр. 200). Однако *ĭ* и *ě* являются не самостоятельными фонемами в эрзянском, а аллофонами фонем *i* и *e*, так как они могут встречаться только во взаимоисключающих случаях. Сводная таблица фонем-согласных (стр. 204) в целом верна, но фонема *j*, о которой уже шла речь выше, в ней пропущена, а *ĭ* может считаться только аллофоном фонемы *η* — впрочем, сама фонема встречается не во всех эрзянских наречиях. Отмечу здесь, что автор — по техническим причинам — не обозначает фонему *η* в звукосочетаниях *nk, ng*, как и палатализацию консонанта перед *e* и *i* (см. стр. 6), но в разделе грамматики он менее последовательно соблюдает принципы обозначения звуков. Заслуживает внимания важность корреляции палатализации в случае следующих эрзянских фонем (палатализованные формы в вышеупомянутой таблице поставлены в скобки): *t: t̄, d: d̄, s: š, z: ž, c: č, n: ŋ, l: l̄, r: r̄* (см. также К. Rédei, A mordvin nyelvjárások fonetikus átirása. Erza nyelvjárás, Budapest 1968. На правах рукописи).

Учебник И. Эрдёди запланирован на два тома: рецензируемый том будет дополнен эрзянско-венгерским словариком на две тысячи слов (см. стр. 4, 301). Было бы желательно в виде этого словарика получить в то же время и указатель слов первого тома с выделением полных этимологий часто употребляемых слов (например, подчеркнуть номера страниц). Слова и тексты следовало бы дать в фонематической транскрипции. В конце второго тома можно бы поместить библиографию важнейших и доступных в Венгрии работ по мордвинистике.

Опубликованный первый том книги удобен для пользования, имеет четкую структуру и подразделение. Он затрагивает все основные вопросы, хорошо построен дидактически. Опытный педагог Йожеф Эрдёди сделал удачную попытку представить эрзянский язык «живым языком» (см. стр. 3). Он дал не только полезный для студентов учебник, но и создал прекрасное пособие, облегчающее практическое усвоение эрзянского языка. Надеемся, что за его мордовской хрестоматией последует и марийская.

ГАБОР ЗАЙЦ (Будапешт)

Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum. Helsingiae habitus 23.—28. VIII 1965. Pars I. Acta linguistica, Helsinki 1968. 586 стр.

Доклады и сообщения, представленные участниками Второго международного конгресса финно-угроведов (конгресс проходил в августе 1965 года в Хельсинки), составили объемистый том.

Сборник открывается вступительным словом председателя конгресса, в котором охарактеризованы особенности этого конгресса, его цели и задачи. Наиболее широко представлены работы, посвященные прибалтийско-финским и угорским языкам, однако довольно многочисленны и статьи, в которых рассматриваются общие проблемы финно-угроведения. В Скаличка в своей статье останавливается на вопросах типологии финно-угорских языков. Автор считает, что в финно-угорских языках ведущим является агглютинирующий тип, однако полагает, что довольно значительна и роль полисинтетического типа. Роль флективного типа, по его мнению, также значительна и возрастает. Соотношение словоизменения и словообразования рассматривает А. Раун. Он выдвигает положение о том, что в финно-угорском праязыке словоизменение находилось еще в стадии возникновения. Попутно А. Раун отмечает, что в категории времени противопоставлялись непрощедшее время и прошедшее время, признака-

ми которых служили соответственно *-i* и *-š*. Признаки, выражающие временную характеристику, рассматривает также Б. А. Серебренников. Он утверждает, что в уральском праязыке различались три временные формы: настоящее время без признака, будущее время с признаком *-k* и прошедшее время с признаком *-š*.

Ряд докладов посвящен исторической фонетике финно-угорских языков. Наиболее обширна статья В. Штейница о финно-угорских согласных, имеющая принципиальный характер. В. Штейниц попытался доказать, что существующая в прибалтийско-финских языках оппозиция *pp : p*, *kk : k* относится к поздним явлениям. В финно-угорских языках существовали два фонологических ряда: глухие смычные *p*, *t*, *k* и звонкие спиранты *ɸ*, *ɖ*, *ɣ*. Финно-угорский консонантизм рассматривается также в статьях Г. Барци и Б. Қальмана, а вокализму финно-угорских языков посвящены статьи Я. Гуя и В. И. Лыткина. Следует лишь отметить, что Я. Гуя в основу своего изложения положил хантыйский язык.

П. Хайду в работе «Об объеме словарного состава в прауральском языке» сделал попытку установить словарный запас прауральского языка. Известны